

В. И. Гинецинский

ПСИХОГРАФИЯ ПОЭТИКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В статье с позиций принятой автором версии психологии анализируется поэтическое наследие М. Ю. Лермонтова. Тексты поэта рассматриваются в качестве нарратива, т. е. рассказа о своей собственной жизни. Высказываемые тезисы иллюстрируются фрагментами из некоторых его произведений. Делается вывод о том, что мировоззренческая позиция М. Ю. Лермонтова, выраженная в приведенных фрагментах, перекликается с представлениями, выработанными в экзистенциальной психологии. Библиогр. 1 назв.

Ключевые слова: психология, «я» всеобщее, «я» особенное, «я» индивидуальное, базисные экзистенциалы существования.

Ginetsynski V. I. †

PSYCHOGRAPHY OF LERMONTOV'S POETICS (TO COMMEMORATE M.Y.LERMONTOV'S 200th ANNIVERSARY)

In this article I analyze text of Lermontov's creations as narrative from positions of characterized version of psychology, as a narrative, i.e. author's psychological stories: my arguments are illustrated by fragments from some of his creations. Refs 19.

Keywords: psychology, I-universal, I-special, I-individual, basis existential of life.

Уже самый поверхностный взгляд на тексты произведений М. Ю. Лермонтова показывает, что чаще всего в них встречается местоимение «я». Одно это позволяет рассматривать его тексты в качестве нарратива самоидентификации автора, т. е. его рассказа о своем внутреннем мире, о событиях, получивших в нем свое отражение. При этом следует дифференцировать по крайней мере три варианта употребления местоимения «я»: 1) «я» всеобщее — как обозначение самосознающей целостности человеческого существа как субъекта специфической жизнедеятельности; 2) «я» особенное — как выражение своей принадлежности к какой-либо группе («мы»), выражение специфики позиции какой-либо группы в рамках общества в целом по отношению к каким-либо другим социальным общностям («они»); 3) «я» уникально-единичное — как обозначение человеком своей индивидуальности во взаимоотношениях с окружающей средой, включающей другие индивидуальности. Каждая из указанных позиций может быть конкретизирована перечислением соответствующих экзистенциалов, и хотя указанные разграничения в достаточной степени условны, а в отдельном произведении (тексте) разграничиваемые смыслы могут совмещаться, представляется, что предлагаемый подход задает определенную процедуру, которая может быть полезна при решении ряда конкретных задач.

Прежде чем обратиться к текстам самого Лермонтова, несколько подробнее охарактеризуем ту версию психологии, которой мы будем придерживаться в данном случае. Задачей психологии является описание индивидуализации человека (человеческого «я» в единстве трех вышеуказанных аспектов) с целью раскрыть

Гинецинский Владислав Ильич — доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ginetsynski V. I. † — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

механизмы гармонизации, используемые (использованные) им в его взаимоотношениях с внешним (объективным) миром и в своем внутреннем субъективно-идеальном мире, носителем которого выступает сам конкретный человек, а также, при необходимости, обратить его внимание на другие не использованные, но доступные для него механизмы. При этом мы исходим из того, что внешний мир, в котором человек живет и частью которого он является, и внутренний мир, носителем которого он выступает, дополняют друг друга. В этом смысле психография основывается на феноменологическом тезисе о коррелятивности субъекта и объекта (без субъекта нет объекта), предметного бытия и сознания, единство и взаимодополнительность которых дана в самоочевидности переживаний человека (нельзя сомневаться в том, что я сомневаюсь). Тезис о соотносительности внешнего и внутреннего миров получает свое продолжение в разграничении областей универсума (реальности — того, что есть, но чего может не быть; виртуальности — того, чего нет, но что может быть; вечности — того, что есть и чего не может не быть; фиктивности — того, чего нет и быть не может) и в разграничении модусов существования «я» («я» как гештальт ингредиентов внутреннего мира человека; «я» как паттерн экстериоризируемых форм его активности; «я» как инвариант его интроспективно и экстраспективно выделяемых характеристик; «я» как гомоморфное отображение универсума на локализованную в пространстве и времени биотическую структуру). В последнем из перечисленных модусов существования «я» выступает как правильная часть универсума. Подобная трактовка содержания категории «я» позволяет определить центральную задачу, решаемую человеком на протяжении всего жизненного пути, как осмысление им специфики человеческого способа существования. Решение этой задачи предполагает осмысление экзистенциалов жизни и смерти через осознание необходимой связи категорий конечного и бесконечного, временного и вечного, сущего и должного; осознание комплексов неполноценности и превосходства через преодоление презрения или ненависти к другому «я». Жизнь есть способ самоутверждающего самовоспроизводства человека, а смерть есть утрата этой способности. Здоровье есть процесс (состояние) самовоспроизведения с сохранением достигнутого уровня гармонизации, болезнь — процесс самовоспроизведения с тенденцией к снижению уровня гармонизации.

Теперь, с учетом сказанного, обратимся к лермонтовским текстам. М. Ю. Лермонтов рассматривает человека как творение бога (самопорождение вечной антропоморфной основы бытия), постигаемого человеком через акты веры:

*Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.*
(без названия, 1832)

и через созерцание величия природы:

*И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан*

*Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страдания или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.
(«1831-го июня 11 дня»)*

Человек есть существо конечное (смертное), свободное и разумное, о чем свидетельствуют присутствующие в душе «неисполнимые желания»:

*Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил...
(без названия, 1831)*

Человек стремится к совершенству, к тому, что не может свершиться, к полноте блаженства в надежде на обретение вечной любви. Эту надежду укрепляет молитвенное обращение к богу и тем самым — к самому себе:

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
(«Молитва», 1837)*

Во внутреннем мире человека, в его сердце противостоят две тенденции: «две жизни в нас до гроба есть». С одной стороны:

*Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно...
(«Мой дом», 1830)*

А с другой стороны:

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,*

*И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.
(«Мой демон», 1831)*

Механизм преодоления противоборствующих начал, очищения, катарсиса, своеобразной психотерапии — это творчество, а для поэта — литературное творчество:

*Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.
(«1831-го июня 11 дня»)*

Человеческое общество можно рассматривать в том числе как многообразие различающихся по масштабу (макро-, мезо-, микро-) и функциям (производственные, рекреационные, просветительские...) отдельных социальных общностей. Между ними могут устанавливаться различные отношения: конфронтационные и синергетические, субординационные и координационные. Жизнедеятельность человека, осуществляющаяся как процесс обмена веществом, энергией и информацией с окружающей средой, есть одновременно единство процессов идентификации с разными социальными общностями и самоидентификации на основе отношений аффилиации и противопоставления, господства и подчинения, интеграции и дезинтеграции. Человек, будучи частью общества, в то же время противостоит ему с разной степенью интенсивности и в разных модальностях. Это может быть противостояние идеологическое:

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
(«Пророк», 1841)*

или поведенческое:

*Как часто, нестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,*

*Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
(без названия, 1840)*

Человеческое общество в его нынешнем виде должно, как считает поэт, уступить место друтому:

*Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.
(без названия, 1830)*

В основе человеческого способа существования лежит чувство любви, которое, трансформируясь, может переходить в свою противоположность — ненависть (от любви до ненависти — один шаг) и приводить к появлению амбивалентных состояний: люблю, потому что ненавижу; ненавижу, потому что люблю. Любовь как тип субъект-субъектных отношений включает потребность во взаимности, свободу волеизъявлений и переживание благополучия другого как условия собственного благополучия. Напротив, охваченный ненавистью человек воспринимает другого как преграду на пути к собственному благополучию. При этом в интервале от любви до ненависти помещается бесчисленное множество оттенков. Многообразие аспектов, уровней, модусов человеческого способа существования, их временной характер обусловлены необозримостью градаций спектра субъект-субъектных отношений.

М. Ю. Лермонтов свидетельствует:

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.
(«1831-го июня 11 дня»)*

В другом месте он пишет:

*Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.
(«К себе», 1831)*

Вместе с тем поэт констатирует:

*Не верят в мире многие любви.
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
(«1831-го июня 11 дня»)*

Любовь чревата страданием:

*Мне любить до могилы творцом суждено!
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.
(«Станса», 1831)*

Двойственность любви проявляется также в ее обращенности и к вечному, и к временно существу:

*Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю...
(«Молитва», 1829)*

Обращение к творчеству М. Ю. Лермонтова в современную плюралистическую эпоху так или иначе ставит вопрос о том, как соотнести выраженные в нем интенции с существующими методолого-мировоззренческими установками, определить эстетические, этические, гносеологические и онтологические позиции автора. С нашей точки зрения, позиция М. Ю. Лермонтова, по крайней мере в том виде, в каком она выражена в вышеприведенных текстах, перекликается с представлениями, выработанными в экзистенциальной психологии.

Одну из мировоззренческих предпосылок развития экзистенциальной психологии, по мнению современных исследователей, можно выявить при сопоставлении философских концепций И. Канта и И. Г. Фихте [1]. Человек, будучи исчезающе малой частью универсума, в то же время является свободным самосознающим существом, субъектом теоретической и практической деятельности. Пафос докантовской философии состоял в стремлении продемонстрировать возможность порождения бытием человеческого существа. Осознание трудностей, возникающих на этом пути, породило стремление взять за основу понятие субъекта. При этом Кант в построении системы трансцендентального идеализма исходит из того, что субъект обладает определенной организацией, органами чувств, рассудком, разумом, следует в своем поведении нравственным императивам. Фихте, в отличие от Канта, отправным пунктом построения своей системы избирает субъектный акт, совершаемое субъектом действие, посредством которого он осознает самого себя.

Акт субъектного самополагания самосознания есть его второе рождение. В отличие от первого рождения, не зависящего от человеческой воли, второе целиком зависит от самого человека, оно есть акт его свободы. Свобода трактуется здесь не как независимость от наличных внешних обстоятельств, но как перерождение своего внутреннего состояния. До акта самосознания человек является конечным природным существом, обусловленным в своем бытии внешним миром, в акте же самосознания он осознает себя в качестве существа свободного, зависящего только от самого себя, мыслящего себя бесконечным. Отметим, что сами эти категории: внешнее и внутреннее, субъект и объект, свобода и необходимость, конечное и бесконечное — взаимно предполагают друг друга, поэтому субъект по своей сути есть единство конечного и бесконечного, природно-биологического и духовно-нравственного.

Первый акт самосознания, по Фихте, полагает и свою противоположность, «я» полагает «не-я», осознать себя можно только путем отличия своего «я» от того, чем оно не является. Самосознание тем самым подразумевает противоположность субъекта и объекта. «Я» полагает самого себя тем, что полагает себе границу. Принцип кантовской этики, а именно принцип свободы воли, у Фихте реализуется как принцип самодеятельности «я».

М. Ю. Лермонтов рисует внутренний мир человека заполненным противоборствующими тенденциями, «я» предстает как единство и взаимоотрицание своих ипостасей («я» всеобщее, «я» особенное, «я» уникальное). У одного из основоположников современного экзистенциализма Сёрена Кьеркегора исходное состояние свободы выступает как страх, амбивалентное единство отвращения и влечения. При этом он различает эмпирический страх-боязнь, вызываемый конкретными предметами и обстоятельствами, и неопределенный, безотчетный страх-тоску — метафизический страх, предметом которого является ничто и который обусловлен тем, что человек смертен и знает об этом. У других представителей экзистенциализма (например, у Ж.-П. Сартра) страх истолковывается как страх перед самим собой, перед своей свободой и ответственностью. Непосредственная жизнь самосознания субъективно есть ничто в сравнении с массивностью объективного бытия. Межличностные отношения изначально конфликтны, ибо представляют собой борьбу за признание свободы в глазах другого, стремление достичь самодовлеющего бытия-в-себе, сохранив свободную субъективность бытия-для-себя.

Творчество М. Ю. Лермонтова можно рассматривать как один из вариантов поэтической экспликации базисной амбивалентности эмоционально-чувственного аспекта человеческого способа существования.

Литература

1. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997. 495 с.

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2014 г.